Судьба человечества – постав, как определенный способ производяще-добывающего раскрытия потаенности. Этому раскрытию подвергается все сущее, включая человека. Человеческая история – история поставы, который формирует человеческое сознание, производство, технику и, как следствие, ее исторический диктат.

Состоящая-в-наличии действительность обесценивается в той мере, в которой она раскрыта человеческим потребностям и поставлена на обслуживание их интересам. В этом и состоит опасность раскрытия. «Коль скоро непотаенное захватывает человека даже и не как объект, пред-стоящий человеку, а уже исключительно как состоящее-в-наличии, человек среди распространившегося материала становится просто представителем этой наличности – он ходит по крайней кромке пропасти, а именно того падения, когда он сам себя будет воспринимать уже просто как нечто состоящее в наличии» [5, С. 233].

М. Хайдеггер опосредует становление и деятельность человека не телеологией некой реальности, исторически предопределенной и довлеющей над ним, но самим человеческим действием, его ответственностью. Кроме того, именно историко-диалектический дискурс становится самой что ни на есть техникой, поставом, стремящимся уничтожить, по выражению Л. Дюмона, любые условности, через обращение к идее и ценности «с целью обозначить, оценить и ввести некую среднюю огрубленную характеристику жизни».

Диалектика и отчуждение, таким образом, должны основываться на расширении и привлечении новых теоретических посредников, укреплении обратной связи с самими актантами, их нормативными суждениями и убеждениями – даже в случае обращении к логике, как артикуляции общих категориальных форм. Акторно-сетевое восприятие и объяснение социальных процессов и противоречий сегодня обладает большей легитимностью в сравнении с крупными метафизическими системами и метанарративами, абсолютизирующими одни аспекты реальности и игнорирующими другие.

1. Глухов А. А. Политический смысл диалектики // Вестник РХГА, 2013. – Т. 10. – № 3. – С. 19 – 28.
2. Маркс К., Энгельс Ф. Немецкая идеология / К. Маркс, Ф. Энгельс. Собр. соч. изд. 2. – М.: Издательство политической литературы, 1955. – Т. 3. – С. 7 – 544.
3. Дюмон Л. Homo Aequalis. Генезис и расцвет экономической идеологии / Под общ.ред. канд. пол. н. В. И. Даниленко. – М.: NOTA BENE, 2000. – 239 с.
4. Бём-Баверк О. Критика теории Маркса / Сост. А. В. Куряев. – М., Челябинск: Социум, 2002. – 283 с.
5. Хайдеггер М. Вопрос о технике // Время и бытие: Статьи и выступления / Пер. с нем. В. В. Биbihина. – М.: Республика, 1993. – С. 221 – 238.

Токарев Д.А.

Атрибутивность гедонистического варианта страдания

*Омский институт водного транспорта – филиал ФГБОУ ВО «СГУВТ»
(Россия, Омск)*

doi:10.18411/spc-01-10-2018-04

idsp: 000001:spc-01-10-2018-04

Abstract

Man is suffering from the point of view of different philosophy ages is considered in this article. The description for features of hedonistic version of the reasons, manifestations and possibilities of suffering overcoming is given. The negative sides of hedonistic approach to suffering are defined.

И страдания и удовольствия изменяют жизнь в каком-либо направлении. Большие изменения причиняют нам страдания и удовольствия, умеренные же и незначительные совсем не доставляют ни того, ни другого. Последнее – большая редкость. И жизнь человека в основном состоит из смены страданий и удовольствий. Гедонизм не видит глубину человеческого переживания, а лишь констатирует постоянную смену удовольствий и страданий, якобы и определяющую сущность человека.

Величайший философ древности Платон писал о том, что в жизни все должны избегать неумеренных страданий и удовольствий и всегда придерживаться середины. Смертная природа человека всегда будет увлекать его к корысти и служению своим личным интересам, безрассудно избегая страданий и стремясь к удовольствиям, она поставит их выше того, что более справедливо и лучше. «Каждый имеет в себе удовольствие и страдание. Мы предпочтем такую жизнь, в которой в больших количествах и в сильной степени присутствуют и удовольствия, и страдания, но удовольствий больше и они более сильные. Все, что мы производим и приобретаем, служит нам либо для созидания чего-либо, либо для защиты от страданий. А из того, что защищает нас от страданий, одни вещи служат противоядиями – божественными и человеческими, другие – средства защиты», читаем у Платона. Платон утверждает, что страдание производное от удовольствия, т.к. стремление к удовольствию всегда приносит страдание. Происходит это от невозможности испытывать удовольствие постоянно или долго, оттого, что за удовольствия всегда приходится платить страданиями.

Ещё один величайший представитель древней философии Аристотель считает, что отсутствие страдания уже само по себе есть удовольствие. «Удовольствие противостоит страданию и отсутствию страдания так же, как большее противостоит меньшему и равному...», читаем мы у Аристотеля. Страдание может притупить восприятие чего-либо приятного, тогда как удовольствие изгоняет страдание. При этом, по мнению Аристотеля, не важно противоположно ли оно как раз данному страданию или это первое попавшееся удовольствие, будь оно только достаточно сильным. Аристотель считает, что страдание – нехватка чего-то природного, а удовольствие – его восполнение. К примеру, почувствовав сначала нехватку пищи и, испытав из-за этого страдание, люди получают удовольствие от восприятия.

Одной из важнейших добродетелей Аристотель считает мужество. Определяя мужество в отношении к страданию, боли и удовольствию, Аристотель называет мужественным того, кто стойко переносит страдания: «мужество сопряжено со страданиями и ему по праву воздают хвалу; в самом деле, переносить страдания тяжелее, чем воздерживаться от удовольствий». Мужественный человек не ищет страданий и ран, которые причиняют ему душевную и физическую боль, но и не избегает их. Страдания и удовольствия, возникающие при общении, по мнению Аристотеля, связаны с таким душевным складом как дружелюбие. Дружелюбный человек будет стараться не доставлять страданий или доставлять удовольствие. Предпочтение он отдает доставлению удовольствия, но, принимая во внимание нравственную красоту и пользу. Таким образом, ради большего удовольствия впоследствии он заставит немного пострадать.

Проблематику удовольствий и страданий в рамках выделенного гедонистического варианта рассматривает и Эпикур. «При выборе удовольствий и избежание страданий всегда нужно иметь в виду не только настоящее, но и будущее, т.е. последствия удовлетворения сегодня желаний, перспективу получения большего удовольствия. Более того, выбор должен диктоваться не только настоящим и будущим, но и прошлым, т.е. накопленным опытом.... Лучше вытерпеть некоторые страдания, чтобы насладиться большими удовольствиями; полезно воздержаться от некоторых удовольствий, чтобы не терпеть более тяжких страданий». Эпикур считал, что нет

необходимости в освобождении от всякой восприимчивости к страданию и наслаждению. Напротив, достаточно подвергнуть потребности и жизнь такой регулировке, чтобы по возможности избегать внутренних и внешних поводов к болезненному возбуждению.

Люди, по Эпикуру, всегда ожидают или воображают какое-то вечное страдание, как оно описано в мифах, может быть, боясь и самого бесчувствия в смерти, как будто оно, и сеет отношение к ним. «Глуп тот, кто говорит, что он боится смерти не потому, что она причинит страдание, когда придет, но потому, что она причиняет страдание тем, что придет: ведь если что не тревожит присутствия, то напрасно печалиться, когда оно только ожидается. Таким образом, самое страшное из зол, смерть, не имеет к нам никакого отношения, так как когда мы существуем, смерть еще не присутствует; а когда смерть присутствует, тогда мы не существуем».

Для Эпикура духовные удовольствия и страдания гораздо более важными, чем телесные. На тело действуют лишь наличные в данный момент наслаждения и страдания, на душу же действуют также прошедшие и будущие. Тягчайшие страдания длятся недолго и быстро полагают конец нашей жизни, а менее интенсивные выносимы и могут быть преодолены более сильными духовными наслаждениями. Зависимость от факта скорой смерти делает человека, в особенности в древности, гедонистически настроенным. Еще бы, ведь надо успеть получить от жизни все и сразу. Наслаждение, в надежде ухода от любого страдания, становится определяющим фактором жизни. Зачем много думать о грехах, о проблемах, о возможной другой жизни, когда есть мгновение на Земле и его надо прожить в удовольствии.

Спустя многие сотни лет Ницше полагает, что все наши поступки мотивированы «инстинктом самосохранения» или, «еще точнее, стремлением к удовольствию и к предупреждению страданий индивида». Причинение страданий само по себе «не существует». Злые поступки направлены не на страдание другого человека, а на «наше собственное наслаждение, например, наслаждение чувством мести или сильным нервным возбуждением». Само же по себе удовольствие не дурно и не хорошо. Но ведь получение удовольствия от причиненного страдания мы считаем злом. И дело здесь вовсе не в морали, считает Ницше. «Только из соображений пользы, т.е. имея в виду последствия, возможное страдание, когда можно ожидать кары или мести от потерпевшего или замещающего его государства», человек воздерживается от подобных удовольствий.

Будучи противником христианства, Ницше провозглашает опорой «героический пессимизм» и культ «сверхчеловека». Философия Ницше – это философия героизма. Страдающий человек, по Ницше, в сострадании другим людям ищет возможности для собственного подъема, ведь у него еще осталась одна сила – причинять боль, и он чувствует себя все еще достаточно значительным, чтобы причинять миру страдания. Ницше является гедонистом по отношению к страданию, ведь действия человека, направленные на причинение страданий другим, он считает причиняющими «злое удовольствие» этому человеку, а желание получить удовольствие для человека, всегда сопряжено с преодолением страданий. Жизненный смысл страдания в преодолении сострадания к другим, в стремлении к удовольствию.

К теориям античности, к науке о сексе, противопоставив им эротизм и перенося удовольствие в сферу дискурса, обратился Мишель Фуко, легендарный мыслитель XX века. Аннексия секса в поле рациональности на Западе поставила нас под знак логики вождения и желания. Моралисты сделали из человека детище секса – в форме советов и рекомендаций специалистов, своеобразной техники управления жизнью. Удовольствие, в том числе и сексуальное, порождает страдание, т.к. человек все время стремится к насыщению, но не может насытиться, а еще происходит пресыщение, следствием которого может являться угасание желания и новое страдание. Человек ушел в себя и в свои желания, которые все больше не сочетаются с желаниями других

людей. Появилось так называемое удовлетворительное одиночество. Страдание возникает при переборе желаемых объектов и при невозможности насыщения сексуального желания при наличии огромного количества объектов. Возникает постоянное ощущение, что ты чего-то не получил или возможно получил не то, что хотелось бы. От этой проблемы все больше возникает оторванность от мира и уход в себя.

Жизнь, с гедонистической точки зрения, постоянно действующий вулкан с попеременно вырывающейся энергией страдания и удовольствия. Атрибутивность страдания по отношению к жизни и имманентный взгляд человека на мир не дают освобождения от страдания в течение жизни, не позволяют нам расширить свой взгляд на многоликий мир, а главное превращают жизнь человека в бесполезный период от рождения до смерти.

Эстетические моменты в гедонизме преобладают над этическими принципами. Человек существует вне божественной определенности, или скрывается за эстетикой религиозности, а не следует религиозной морали. Внешний лоск и иллюстративность гедонизма не в состоянии противостоять страданию, т.к. получая удовольствия, человек создает иллюзию полноты жизни, вселяющей в него жизненный ложный оптимизм.

1. Платон. Собрание сочинений: в 4 т. [Текст]. Т. 2. Софист. – М.: Мысль, 1993. – С. 395.
2. Аристотель. Собрание сочинений в 4-х томах [Текст]. Т.4. Никомахова этика. – М.: Мысль, 1984. – С. 114, 215.
3. Материалисты Древней Греции [Текст]. – М.: Политическая литература, 1955. – С. 144., 208
4. Ницше, Ф. Собрание сочинений в 2 т. [Текст] Т.2. Так говорил Заратустра / Ф. Ницше. – М.: Мысль, 1990. – С. 80, 83, 84.
5. Фуко, М. История сексуальности: в 2т. [Текст]. Т.1. Воля к знанию / М. Фуко. – М.: AdMarginem, 1996. – С. 171.

Устименко Д.Л.

Проблема когнитивности в современном информационном контексте: феноменологический ракурс

СКФ МТУСИ

doi:10.18411/spc-01-10-2018-05

idsp: 000001:spc-01-10-2018-05

Аннотация

В статье рассматриваются проблемы когнитивности и аксиологичности сознания в усвоении прогрессирующего мира информации.

Ключевые слова: человек, сознание, мир информации, цельность

Современная цивилизация прогрессивна. Человека завораживает техническая оснащенность жизни, скорость передвижения материальных и информационных объектов, цифровая искусность в удовлетворении самых изысканных эстетических потребностей. Неявственно для воли и сознания, но тотально и всецело, человек проникается специфически господствующими формами и способами миропонимания. Это – чувственно ориентированные, десакрализованные, эгоцентричные и прагматические способы [1, стр. 43]. Естественной мировоззренческой предпосылкой вырабатываемых взглядов является признание, что мир – материален, что сущность человека – натуральна, что психика и сознание есть «высшие» функции физической природы. Пользуясь предданной и все более увеличивающейся информацией как средством, человек погружается в вещный мир, «проговаривает» и «обсуждает» внутримирские проблемы. При этом для него остается совершенно непроявленным